

[Ответ Главнокомандующего Фиделя Кастро Руса на вопрос ведущего заседание информационного круглого стола, 25 апреля 2001 года относительно заявлений премьер-министра Канады Жана Кретьена, сделанных им на III Саммите Америк \[1\]](#)

Fecha:

25/04/2001

Фидель Кастро: Очень хорошо, теперь вооружитесь терпением. Быть может, этот материал представит интерес, если ты дашь мне слово.

Мне казалось, что ему стоит уделить несколько минут.

Ты будешь говорить о месте проведения?

Ранди Алонсо: О месте проведения III Саммита и о заявлениях канадского премьер-министра... Он сделал несколько заявлений, а также выступил с заявлениями министр иностранных дел.

Фидель Кастро: Да, я выбрал одно из них, потому что премьер-министра я знаю лучше и больше с ним дружен.

Ну хорошо, чтобы народ понял, о чем идет речь.

«Квебек (Канада), 19 апреля (ЭФЭ). – Канадский премьер-министр Жан Кретьен оправдал сегодня исключение Кубы из III Саммита Америк, поскольку кубинский режим не делает шагов в вопросе прав человека, несмотря на то, что он «в течение нескольких часов пытался убедить» Фиделя Кастро изменить политику.

По его прибытии в центр конгрессов Квебека, где в течение этого уик-энда будет проходить Саммит, Кретьену был задан вопрос, изменилась ли его позиция касательно включения Кубы во Встречи глав государств и правительств американских стран, поскольку на предыдущих встречах в Майами и Сантьяго он выступал за присутствие режима Кастро.

«Мое мнение не изменилось», - ответил Кретьен.

Премьер-министр Канады отвечал сухо, когда его спросили, является ли отсутствие Кубы в Квебеке следствием возражений Вашингтона.

Равным образом, когда его настойчиво просили указать, какая другая страна континента выступила против участия Кастро в III Саммите Америк, Кретьен ответил журналисту: «Спросите у них».

Канадский премьер-министр добавил, что провел «немало часов, пытаясь убедить Кастро» подписать некоторые конвенции по правам человека, но не добился от гаванского режима никаких ответных действий.

«Я провел с ним (Фиделем Кастро) несколько часов, стараясь убедить его подписать кое-какие резолюции Организации Объединенных Наций», - подчеркнул Кретъен.»

Я много думал над этим высказыванием господина Кретъена. Незачем было выступать с какой бы то ни было поспешной и импровизированной публичной оценкой той встречи.

Я старательно собирал данные, стремясь как можно объективнее восстановить наши тогдашние разговоры и атмосферу, в которой проходил наш обмен мнениями.

Я принес сюда свои соображения в письменном виде, поскольку необходимо как можно точнее отразить эти деликатные темы.

Едва мы начали встречу, как он почти внезапно положил на стол небольшой список имен, явно полученный им только что. Я почти что угадал, о чем шла речь. Так бывало всегда, когда нас посещал политический деятель какой-либо страны-союзника Соединенных Штатов или какой-нибудь американский политик: государственный департамент вручал ему список лиц, судимых или отбывающих наказание за контрреволюционную деятельность. Во главе этих списков всегда стояли те, кто представлял наибольшую важность и интерес для разведывательных служб или правительства Соединенных Штатов. Гость просил помиловать их или выпустить на свободу. То была неизменная тактика правительства Соединенных Штатов, чтобы оказать давление в пользу их друзей, используя любой дружеский визит на Кубу. Поскольку в нашей стране обычно проявляется возможно большая терпимость, власти только в исключительных случаях прибегают к аресту и отдают под суд замешанных в провокационных действиях, когда они, эти действия, являются серьезными и абсолютно недопустимыми.

Канадский премьер-министр напомнил мне, что в связи с визитом Папы было помиловано определенное число осужденных за контрреволюционные акции, и сказал, что пообещал просить о том же в отношении включенных в этот список.

В действительности Папа никогда не затрагивал этой темы в разговорах со мной, он сделал это через своего государственного секретаря на другой встрече с министром иностранных дел.

Не дожидаясь ответа, он немедленно ставит вопрос о том, чтобы Куба подписала Конвенцию Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам, поскольку в этих сферах Куба сделала столько же или больше, чем любая другая страна мира. То была несомненно приятная фраза и более ловкая и удачная форма постановки вопроса.

Помню, что сразу же он упоминает договор о свободной торговле между Канадой, Мексикой и Соединенными Штатами и планы заключить такие же договора с остальными латиноамериканскими странами, выразив мнение, что Куба могла бы внести в это важный вклад.

И наконец, он говорит о договоре о противопехотных минах, сожалея о том, что Куба не подписала его, и прося это сделать. Вот четыре пункта, с которых он начал разговоры. Все они казались очень простыми; однако все четыре были чрезвычайно сложными.

Я спросил его, всегда ли канадские политики начинают с самого трудного, и добавил в шутливом тоне, что если мы не выдержим эти экзамены, весь визит пойдет насмарку.

Насколько я помню, встреча длилась около двух часов и проходила в духе дружбы и уважения, однако и откровенности. Должен признаться, что большую часть времени говорил я, потому что было необходимо аргументировать с определенной глубиной правоту наших позиций, особенно по трем пунктам.

Невозможно повторить здесь каждый из этих аргументов. Вот только кратчайший пересказ,

содержащий основные ответы.

Я сказал, что не должен решать лично и немедленно или обещать решить некоторые из этих вопросов, а также не подавать повода к неоправданным надеждам в отношении решений, которые мы примем. Что столь широко освещаемая средствами массовой информации тема так называемых узников совести – это старая история почти 40 лет всевозможных злодеяний и преступлений, совершаемых против Кубы правительством Соединенных Штатов. Я перечислил их широко и обстоятельно, противопоставив им безупречное поведение и этику нашей Революции несмотря на лавину подлых выдумок и клеветы в отношении Кубы. Подчеркнул лицемерие и двойную мораль проводящейся против нее политики. Обстоятельства, вынудившие нас держать людей в заключении. Что только на Пляя-Хирон мы взяли в плен 1 200 наемников и что сама Революция с первых лет освобождала тех, кто, служа интересам иностранной державы на протяжении четырех десятилетий, пытался ее уничтожить. Что теперь тема тех, кто по этой причине находится в тюрьме, постоянно используется, чтобы оказать давление на Кубу - страну, страдающую от враждебности и агрессии извне. Сказал о серьезных угрозах, все еще висящих над нами, - таких как террористические акции, организованные и финансируемые с территории Соединенных Штатов.

В какой-то момент он сказал, что его желание – покончить с этим положением, чтобы мы вернулись в большую семью. Я сказал ему, что мы латиноамериканцы, и спросил, идет ли речь о том, чтобы мы вернулись в большую семью или большая семья вернулась к нам. Завершил этот пункт, ответив ему, что он привез список лиц, которые являются наемниками Соединенных Штатов, которым платят Соединенные Штаты и которые в сговоре с Соединенными Штатами пытались уничтожить Революцию. Что как друг должен сказать ему, что этот список унижителен для Кубы. Он постарался объяснить, что это не входило в его намерения и что, быть может, он предъявил список слишком рано.

Не все было драматично. Разговор перемежался шутками и даже анекдотами. Эта часть, о которой я рассказывал достаточно долго, может дать представление об интенсивности первого часа беседы.

Поскольку он делал упор на семью народов полушария, я сказал ему, что очень рад, но также думаю о всемирной семье: Европе, Азии и Африке.

В отношении второго пункта – Конвенции Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам - я не колеблясь сказал, что мы можем подписать все статьи за исключением двух – 8-й и 13-й. Что первая из них может очень годиться для капиталистической страны, такой как Канада, Соединенные Штаты и страны Латинской Америки, потому что в одних правят предприниматели или олигархия, в других - крупные транснациональные корпорации. Там рабочих разделяют, дробят и, когда это возможно, коррумпируют и отчуждают, а они очень мало что могут сделать перед лицом политической власти хозяев. Речь идет об экономических системах, отличающихся от нашей.

В отношении той статьи Конвенции, где говорится, что каждый человек имеет право создавать профсоюзы и вступать в профсоюзы по своему выбору, подчиняясь только уставу соответствующей организации, чтобы утверждать и защищать свои экономические и социальные интересы, в социалистической стране, такой как Куба, где все работники физического и умственного труда организованы в свои соответствующие профсоюзы и прочно объединены, представляя собой революционный класс, делящий власть с остальным народом, крестьянами, женщинами, студентами, членами массовых организаций, людьми по месту жительства и гражданами в целом, такое понятие стало бы оружием империализма и явилось бы предложением для того, чтобы попытаться разделить и раздробить трудящихся, создать искусственные профсоюзы и уменьшить их силу и политическое и социальное влияние. В Соединенных Штатах и многих странах Европы и других частей света стратегия империализма состоит в том, чтобы разделить, ослабить и коррумпировать профсоюзное движение, так чтобы

оно оказалось полностью беззащитным перед лицом хозяев. На Кубе такое намерение носило бы в основном подрывной и дестабилизирующий характер: оно было бы направлено на то, чтобы подрвать политическую власть, уменьшить чрезвычайную силу и влияние наших трудящихся и сломить героическое сопротивление единственного социалистического государства Запада гегемонистской сверхдержаве.

Под другим положением также нельзя было подписываться, потому что оно открывало двери приватизации в сфере образования, что в прошлом привело к болезненным различиям и раздражающим привилегиям и несправедливости, включая расовую дискриминацию, чего наши дети никогда более не узнают. Стране, которая сумела за один только год искоренить неграмотность, достичь среднего уровня образования в девять классов, которая располагает исключительным, массовым контингентом преподавателей и учителей и имеет самую здоровую и результативную систему образования в мире, незачем подписываться под таким положением.

Я сказал Кретьену, что Латинская Америка почти 200 лет пыталась покончить с неграмотностью и все еще этого не сделала.

Кретьен предложил, чтобы мы подписали Конвенцию и сделали оговорку в отношении этих двух статей. Мы ответили ему, что потом будут говорить о невыполнении Конвенции и никто не будет знать или помнить об оговорках, с которыми она была подписана. С этим играть нельзя!

В отношении договора о минах мы на этой встрече много не разговаривали. Я сказал только, что мы его не подпишем. Что у нас даже имеется на нашей территории военная база Соединенных Штатов. Что единственное место, где они установлены, - это между ее границей и остальной нашей территорией. Что мины представляют для нас оборонительное оружие, и мы не совершим ошибки, отказываясь от него; что у нас нет ядерного оружия, «умных» бомб и ракет и многих других изощренных средств, какие имеются у Соединенных Штатов. Что над нашей страной висит реальная угроза, и по этой причине мы не собираемся подписывать этот договор.

Позже он снова вернулся к этой теме под таким углом, о каком я в тот момент не мог и подозревать. В конце первой встречи он заверил меня с явным удовлетворением и искренностью, что то была великолепная беседа. Краткое изложение основных вопросов, рассмотренных в ходе нашей первой встречи, может создать впечатление, что она была жесткой. Ничего подобного. Все время царил теплая, дружеская атмосфера.

Как мне показалось, я ясно ощутил, - хотя господин Кретьен этого не говорил, но это вытекало из всего, что он сказал, - что, имея столь могущественного соседа, с которым у него 8 644 километра общих границ, он ощущает страх за будущее своей страны. Сознвая различие двух сильных, прочно укоренившихся культур и традиций, он тревожится о том, какой риск для единства государства представляет собой любая претензия, или ошибка соседа, или просто сильное потрясение в соседней стране, это может разделить Канаду. Для такого огромного и богатого края, где проживает только 32 миллиона человек и где в числе прочих ресурсов - как сказал мне сам Кретьен - находится четвертая часть запасов питьевой воды в мире, Соединенные Штаты представляют большой повод для беспокойства, быть может, даже более, чем для самой Кубы.

Пожалуй, самым интересным моментом беседы, когда Кретьен выразил свою самую разумную мысль, способную вызвать даже у собеседника, достаточно далекого от его идеологии, чувство солидарности, было, когда он рассказал, что возражал против идеи договора о свободной торговле только с Соединенными Штатами. Надо было найти, по крайней мере, третью сторону, и появилась Мексика, позиции которой в отношении маневров Соединенных Штатов он часто разделял. Он сказал, что в 2005 году этот договор будет объединять 34 страны, хорошо бы, если бы 35 (явный намек на Кубу), чтобы сбалансировать позицию Соединенных Штатов.

В какой-то момент он сказал мне, что Канада – это страна, очень ревниво относящаяся к своей независимости от Соединенных Штатов, что очень важно сохранять ее независимость от Соединенных Штатов и что ее политика – поддерживать тесные и дружеские, но крайне независимые отношения с этой страной. Он с гордостью заявил мне, что Канада уже может состязаться с Силиконовой долиной в Калифорнии, где производится вся новейшая технология.

Вторая встреча с Кретьеном и его делегацией произошла вечером. Состоялся ужин и самый широкий обмен мнениями. В определенный момент, когда упомянули о плане покушения на меня на острове Маргарита, организованном знаменитым Фондом, он указал, что Фонд часто становится причиной больших затруднений, потому что когда произошел инцидент с самолетами, это было для того, чтобы создать проблему для правительства Соединенных Штатов, которое было готово сделать положительный шаг в отношении Кубы. Я рассказал ему о Законе об урегулировании кубинского вопроса, его абсурдных и безрассудных последствиях.

Мы также говорили о законе Хелмса-Бертон. Он сказал мне, что в отношении этого закона Соединенные Штаты оказались в изоляции. Что он лично был первым, кто выступил с заявлением, когда этот закон был принят. Что на встрече с премьер-министрами карибских стран они вместе сделали первое заявление, осуждающее закон Хелмса-Бертон.

Что касается инцидента с самолетами в 1996 году, использованного как предлог для принятия закона Хелмса-Бертон, я сказал ему, что в газете «Нью-Йоркер» от 26 января 1998 года была опубликована почти полная история инцидента.

Когда он спросил меня об АЛКА - Договоре о свободной торговле между американскими странами, - я сказал ему, что надо иметь терпение, надо знать, что будет происходить в Латинской Америке в связи с этим договором, какими будут последствия не только для наших стран, но и для остального мира, а также на какие ухищрения пойдут, чтобы навязать многостороннее соглашение об инвестициях – все это вопросы, которые очень нас беспокоят. Что необходимо глубоко изучать эти темы. Я рассказал ему о конкретных аспектах нашей экономики, о мерах, принятых, чтобы выстоять в особый период; о том, что многим латиноамериканским и карибским странам нельзя отменять таможенные пошлины, иные из этих стран получают таким путем до 80% бюджетных поступлений. Когда я спросил его, затрагивает ли как-либо Канаду интеграция Европы и возникновение евро, он ответил, что нет, что 82% процента ее торговли приходится на Соединенные Штаты. Наш ежедневный товарооборот от торговли с Соединенными Штатами составляет миллиард долларов, сказал он.

Я со своей стороны откровенно высказал ему мнение, что для стран Латинской Америки был бы полезен успех европейской интеграции и чтобы Европа конкурировала бы с Соединенными Штатами за рынки и инвестиции в Латинской Америке. Лучше, если будут две, три, четыре экономически сильные державы, чтобы мировая экономика не зависела только от одной могущественной страны и от одной валюты.

Мы беседовали даже о канадской технологии в сфере атомной энергии и о возможности того, чтобы в будущем наша страна приобрела канадские реакторы, хотя пока это не лучший и не самый экономичный для нас вариант быстрого роста выработки электроэнергии, в котором мы достаточно срочно нуждаемся.

Я говорил с ним также о мексиканцах, погибающих на границе с Соединенными Штатами, там ежегодно гибнет уже намного больше человек, чем те, кто погиб почти за 30 лет существования Берлинской стены.

Мало каких важных тем мы не затронули в нашей беседе.

В создавшей благоприятной для этого атмосфере и принимая во внимание участие

Канады в политических событиях в Гаити, которые уже постепенно нормализовались, и ее присутствие в этой стране, я сказал, что Гаити – это близкий сосед и одна из самых бедных стран мира, со страшными показателями в сфере здравоохранения, включая показатели по СПИДу, которые угрожают настоящей человеческой катастрофой, и спросил его, почему бы не показать пример сотрудничества и не разработать программу здравоохранения для Гаити. Куба направила бы медицинский персонал, а Канада поставила бы необходимые медикаменты и аппаратуру.

Он спросил меня, обсуждал ли я это с президентом Гаити. Я ответил, что не мог бы этого сделать, поначалу не скоординировав вопрос с правительством Канады, и выразил убеждение, что там примут это предложение.

Он сказал, что существует особый интерес к франкоязычной стране, поскольку значительная часть населения Канады говорит на этом языке, и потому он заинтересован в программах для Гаити; что он рассмотрит это предложение. Я сообщил ему, что переговоры с правительством Гаити.

Похоже, эта мысль сразу же подсказала ему другую. Он немедленно сказал мне, что у него есть предложение относительно одной совместной программы - совместной программы с Анголой и Мозамбиком в целях уничтожения противопехотных мин. Вы можете предоставить работников, а мы деньги, добавил он. Эти страны уже подписали Конвенцию. Нашей стороной ему было указано, что эту работу могут выполнить только военные. Он ответил, что у нас, кубинцев, есть опытный персонал, а они дали бы деньги на программу, на нее уже утверждена смета.

Что ряд стран обязался выделить фонды на разминирование полей, в том числе Япония, Швеция, Норвегия, Дания и другие, и поскольку у нас есть эксперты, он думал, что мы, кубинцы, могли бы выполнить эту работу.

Безусловно, он не отдавал себе отчета в том, насколько ранило то, что он предлагал. Гуманитарное сотрудничество, при котором Канада и другие богатые страны давали бы деньги, а мы брали бы на себя риск того, что наши солдаты будут покалечены и убиты. Быть может, он об этом ни разу не подумал или не сознавал то, что нам предлагал, но у меня создалось сильное впечатление, будто нас хотят использовать как наемников.

На несколько секунд меня охватило чувство оскорбления, я вспомнил дух бескорыстного самопожертвования, чистую и благородную историю народа, выдерживающего жестокую экономическую войну и особый период, готового умереть за свои идеи. Неужели кто-то намерен воспользоваться этой ситуацией, чтобы соблазнить нас подобными заданиями?

Принимая во внимание характеристики моего собеседника, его приветливый, откровенный, доверительный тон, даже юмор, с каким, помню, велись наши переговоры, я все еще продолжаю думать, что, говоря то, что он сказал, и так, как он это сказал, он не сознавал, как могут объективно интерпретироваться его слова.

Я объяснил ему, что в Анголе еще трудно производить разминирование, потому что там действуют банды, вооруженные Соединенными Штатами и Южной Африкой; что все эти мины были поставлены Савимби Соединенными Штатами и расистской Южной Африкой; что это могло привести к увечьям и гибели людей. Как оправдать перед нашим народом участие кубинцев в этих работах?

С большим спокойствием я предложил ему то, что считал разумным решением: мы готовы обучить весь необходимый персонал Анголы, Мозамбика и любой другой страны, столкнувшейся с подобными проблемами, чтобы они выполнили эту задачу на собственной территории.

Эта тема заняла почти всю последнюю часть второй беседы, хотя она продолжалась еще несколько минут в том же дружеском и приветливом тоне.

Неприятный пункт был рассмотрен нашей стороной в серьезной и разумной форме, выслушан и, казалось, понят и принят канадской делегацией.

Были в принципе приняты основы двух важных программ сотрудничества с третьими странами, над ними предстояло работать.

Я сумел оценить характер и личность премьер-министра. Это человек, умеющий вести приятный разговор, с хорошим чувством юмора, с ним можно интересно побеседовать на различные темы. Его беспокоят определенные проблемы современного мира, он воодушевляется, когда заходит речь о нравящихся ему проектах, он знаком со многими политическими деятелями, умеет использовать свой опыт и любит рассказывать к случаю в целом интересные истории. Он показался мне искренним патриотом. Он очень верен своей стране и гордится ею. Фанатически верит в капиталистический способ производства, словно это монотеистическая религия, и наивно считает, что это единственный выход для всех стран одинаково, на любом континенте, в любую эпоху, в любом климате и в любой части света. Он воспитан на этой философии. Я не уверен, что она поможет ему полностью понять, что происходит в сегодняшнем мире.

Я был знаком с Трюдо – исключительным государственным деятелем, человеком большой скромности и простоты, глубокого образа мыслей и миролюбия; уверен, что он хорошо понял мир и также понял Кубу.

Потом были другие мероприятия. Я присутствовал на приеме, данном Кретьеном во дворе канадского посольства. Он был весел, разговорчив, в хорошем настроении. Вскоре ему предстояло встретиться с Клинтоном. Я проводил его в аэропорт. Уже подъезжая к аэропорту Ранчо-Бойерос, я попросил его передать Клинтону привет и сказать, что с нашей стороны мы не испытываем к нему чувства враждебности. Слова были хорошо взвешены. Больше, чем что бы то ни было, это было проявление вежливости по отношению к гостю. Я дорого заплатил за это. Некоторое время спустя я получаю от Кретьена собственноручно написанное им письмо, где он рассказывает, что передал Клинтону мое желание улучшить с ним отношения. Это не было в точности тем, что я сказал. Это не мой стиль; это не сочетается с моим поведением на протяжении всей жизни. Могущественному президенту Соединенных Штатов это могло показаться нелепой просьбой. Я также принялся писать от руки письмо Кретьену, говоря ему, что это послание не было моим посланием. Дело получалось затруднительным. Непросто было примирить недовольство с точными выражениями, которые следовало употребить, и определенным образом объяснить в то же время превращалось в некую критику по отношению к нашему другу. Мне почти что это удалось, но в конце концов я оставил эту мысль, я даже сохранил черновик письма, который возможно удастся найти в какой-нибудь старой записной тетради, и забыл об этом вплоть до сегодняшнего дня. Я не смог даже ответить на его деликатный жест – написать мне собственноручно. Возможно, он подумал, что я неисправимо плохо воспитан.

Прошло несколько месяцев, но не было никаких известий о гаитянском проекте, для которого с нашей стороны требовался только краткий ответ. Пришел ураган Жорж, опустошил Санто-Доминго, обрушился на соседнюю Гаити, которую защитили только доминиканские горы высотой в 3 000 метров, вблизи от границы этой страны, сыгравшие роль барьера, и затем двинулся на Кубу.

Когда по северу западной части страны еще проносились последние порывы урагана Жорж, в дождливый вечер 28 сентября в речи, произнесенной на закрытии V Съезда Комитетов защиты Революции, я сказал:

«Я спрашиваю у международного сообщества: хотите помочь этой стране, не так давно пережившей военную интервенцию? Хотите спасти людей? Хотите дать пример проявления духа гуманности? Поговорим теперь о духе гуманности и поговорим о правах людей.

[...] Мы знаем, как можно спасать в Гаити 25 000 человек каждый год. Известно, что там ежегодно умирает 135 детей в возрасте от 0 до 5 лет на каждую 1000 родившихся живыми.

[...]

Исходя из предпосылки, что правительство и народ Гаити с удовольствием примут важную и жизненно необходимую помощь в этой области, предложим, что если такая страна как Канада, имеющая тесные связи с Гаити, или такая страна как Франция, имеющая с Гаити тесные исторические и культурные связи, или страны Европейского союза, которые осуществляют интеграцию и уже имеют евро, или Япония поставят медикаменты, мы готовы послать врачей для выполнения этой программы, всех врачей, какие понадобятся, даже если бы потребовалось послать полный выпуск или равное ему число.

[...]

Гаити не нужны солдаты, она не нуждается в нашествии солдат; что нужно Гаити, так это, для начала, нашествие врачей, что нужно Гаити, так это, кроме того, нашествие миллионов долларов для ее развития».

Ноябрь 1998 года. Прошло семь месяцев, а от Кретьена нет известий относительно рассмотренных тем. На Кубу приезжает с визитом министр здравоохранения Канады Алэн Рок. Я встречаюсь с ним. Он только что принимал в Канаде министра здравоохранения Южной Африки доктора Нкосазану Дламини-Зуму. На него произвел большое впечатление ее рассказ о работе кубинских врачей в деревнях Южной Африки.

Я подробно объясняю ему предложенную нами программу совместного сотрудничества. Я нашел в нем восприимчивого и способного человека, понимающего возможности и важность таких программ. Я попросил его ускорить действия, связанные с программой совместного сотрудничества в Гаити, и получение ответа от канадской стороны на то, что я предложил его стране не только лично в разговоре с ее премьер-министром, но и публично. Он пообещал представить проект премьер-министру и кабинету.

4 декабря Куба самостоятельно послала первую бригаду для оказания срочной помощи жертвам урагана Жорж. В последующие недели продолжали прибывать новые бригады врачей, в целом их стало 12, общее число кубинцев составило 388, а наши канадские друзья все еще не подавали признаков жизни. Программа медицинской помощи, которую мы предложили осуществлять совместно с Канадой, начала выполняться силами Кубы и правительства Гаити при поддержке неправительственных организаций.

Уже в конце февраля Министерство иностранных дел Кубы сообщает, что по неофициальным каналам ему стало известно о том, что правительство Канады выделит 300 000 долларов на осуществление программы медицинской помощи в Гаити, это разумеется очень порадовало нас.

4 марта прошло более десяти месяцев в ожидании официального ответа со стороны Канады. Однако в тот день было получено поистине удивительное сообщение. Министр иностранных дел Канады господин Ллойд Эксуорти направил министру иностранных дел Кубы Роберто Робайне письмо, где среди прочего говорилось следующее:

«[...] я был проинформирован о недавно принятом кубинской Национальной ассамблеей законе от 16 февраля 1999 года под названием «Закон о защите национальной независимости и экономики Кубы», который направлен на то, чтобы воспрепятствовать росту преступности и

усилению подрывной деятельности.

[...]

Я попросил своих сотрудников подготовить анализ недавно принятых Кубой мер, в том числе ожидаемого в ближайшее время осуждения членов Рабочей группы внутренних диссидентов, с тем чтобы определить их влияние на совокупность действий, начатых нами в соответствии с двусторонним Совместным заявлением. Пока этот анализ не будет завершен, я попросил своих сотрудников воздержаться от осуществления новых совместных инициатив. Я сообщу об этом своим коллегам по кабинету министров, поставив их в известность об этой ситуации, с тем чтобы они подумали относительно своих собственных программ двустороннего сотрудничества с Кубой. В самые последние дни я приостановил совместный анализ со стороны моего ведомства СИДА (Канадского агентства по международному развитию) и «Хелс Канада» просьбы Кубы начать выполнение программы медицинского сотрудничества в третьей стране в Гаити.

[...]

Ближайшие дни будут важными для оценки того, изберет ли Куба политику сближения и интеграции с мировым сообществом или продолжит двигаться в неопределенном направлении, как это показали последние дни. Надеюсь, вы будете способны дать сигнал, который помог бы прояснить намерения Кубы. В частности, такой сигнал был бы очень полезен для гарантии того, что недавние события не превратятся в повод для необоснованного беспокойства в Комиссии по правам человека в Женеве».

Случайность? Предлог, чтобы оправдать сильное давление со стороны южных соседей? Полное бесчувствие в отношении гаитянской трагедии? Не хочу ничего утверждать. Но как объяснить, что прошло десять месяцев, и в течение этого времени, когда еще не произошли упомянутые события, послужившие причиной столь радикального решения и столь наглого письма, не было получено никакого официального ответа?

Я не хочу обижать никого, даже славного автора этого послания, но невозможно не отметить наглый, высокомерный, мстительный и подразумевающий вмешательство во внутренние дела тон этого письма.

Более всего меня лично огорчили не карательные меры и угрозы Кубе - за 42 года мы уже привыкли к этим мерам наказания, - а тот факт, что 300 000 долларов - даже не знаю, американских или канадских, котировка которых на вчерашний день, 24 апреля 2001 года, равнялась 0,64 цента американского доллара, поскольку у меня уже не было времени выяснить, чему она равнялась 15 марта того года, - никогда не попадут к больным в Гаити. Я не мог понять, как это можно наказывать нас за счет возможно тысяч гаитянских детей, чью жизнь можно было бы сохранить, поскольку в этой стране в тот момент умирало не менее 25 тысяч детей в год, причем большинство из них можно было бы спасти простыми вакцинами, купленными на эти доллары, будь то американские или канадские. Несомненно, кто-то совершил большую ошибку.

Как чему-то элементарно логичному я поверил неофициальной информации, поступившей из Министерства иностранных дел. Сейчас я даже не мог бы утверждать, верна она или нет.

Жалеть уже не о чем. Сегодня в Гаити трудятся 469 кубинских врачей и работников здравоохранения. За два года и пять месяцев, по конец апреля, там находился 861 медицинский работник, причем их услуги не стоили гаитянскому народу ни цента. Они оказывают медицинскую помощь 5 072 000 человек из 7 803 230 жителей этой страны - 62% населения Гаити. Они спасли многие тысячи жизней, облегчили боль и восстановили здоровье сотням тысяч людей.

В этом году, когда Япония при участии ЮНИСЕФ прислала все вакцины, начался первый этап кампании массовой вакцинации против восьми болезней, которые можно предотвратить иммунизацией; Куба принимает на себя осуществление программы силами медицинского персонала, находящегося в стране, число которых в этом году достигнет 600 человек. Кроме того, нам известно, что в будущем совместными усилиями Франции, Японии, Кубы и Гаити начнется подготавливаемая сейчас новая кампания вакцинации, благодаря которой за пять лет в этой чрезвычайно бедной стране третьего мира уровень обеспечения иммунитета достигнет 95%.

После победы Бразилии и Южной Африки в борьбе против недоступных цен на медикаменты от СПИДа я думаю, что недалек тот день, когда гаитяне также будут защищены от этого страшного бича благодаря поддержке правительств, готовых предоставить финансовые средства, учреждений Организации Объединенных Наций и неправительственных организаций.

Гаити – не единственная страна, с которой кубинский народ сотрудничает по тому же принципу в осуществлении программ здравоохранения. Их уже 15. В реализации этих программ принимают участие 61 неправительственная организация и более 2 272 кубинских работников здравоохранения, в том числе 1 775 врачей.

Уже никто не может саботировать сотрудничество Кубы с другими странами третьего мира. Дела, а не слова. Быстрые действия, а не ожидание греческих календ, когда люди в бедных странах умирают каждый день и каждый час. Наша маленькая страна также внесла особый вклад в воспитание врачей в духе самопожертвования, солидарности и самоотверженности. Продвижение вперед возможно, бороться с бедствиями и облегчать трагедию сотен миллионов людей – это цели достижимые.

Сегодня я благодарен за переговоры, проведенные с Кретьеном. Они доказали, что инициативы возможны и также возможно совместное сотрудничество с участием двух, трех или многих стран. Они также свидетельствуют о том, что часы, затраченные как им, так и мной, не были напрасными, и я последовал его советам, работая с еще большим упорством во имя прав человека, ради того, чтобы спасти жизнь людей, и стараясь обезвредить гигантские противопехотные мины, которые грозят нашему миру большими взрывами.

Скромные примеры того, что может предложить любая маленькая страна, сегодня важнее, чем большие конвенции, которые могущественные страны превращают в мертвую букву, и броские демагогические действия и рекламные высказывания в поисках удовлетворения личного тщеславия и амбиций.

Я уверен, что Трюдо никогда бы не сказал, что провел 4 часа, давая советы тому, кто их не просил, и не искал бы оправданий, чтобы исключить из саммита достойную страну, которая также никогда не просила о включении, чтобы подписать соглашение, которое она никогда бы не подписала.

История рассудит, кто прав (Аплодисменты).

Versiones Taquigráficas - Consejo de Estado

URL de origen: <http://www.fidelcastro.cu/es/node/87225>

Enlaces

[1] <http://www.fidelcastro.cu/es/node/87225>